

Легенда

За краем света, в сотнях лиг
отсюда на закат,
как говорили строки книг,
хранится дивный клад:

там перлов нет и янтарей,
и царских нет венцов,
клинков забытых королей
и злата мертвецов.

Нет, там укрыт от глаз чужих
таинственный Грааль:
нашедший вмиг постигнет жизнь,
и мудрость, и печаль...

Я дев объятия отверг
и к почестям остыл.
Я шёл сквозь мрак и липкий снег,
пока хватало сил.

И не стяжал богатства я,
и власти не обрёл.
Я плыл за чуждые моря
под светом чуждых звёзд.

Я сотни жизней отнимал,
свою – сберёг едва.
Лишь меч из ножен вынимал –
алела вмиг трава.

На башни подымался я,
в обитель колдунов.
И, вновь бессилие кляня
их чародейных слов,

ушёл однажды сквозь туман,
сгорая от тоски,
туда, где мерит караван
бесстрастные пески.

Базарный нищий рассказал
за пригоршню монет:
«Обрящешь то, что возжелал,
там, где встаёт рассвет».

Но наконец меня нашёл
очередной восход
пред храмом – дивным миражом
у глади чёрных вод.

Во тьме чертога страж возник.
В деснице сжав копьё,
он молча в грудь мою вонзил
слепое остриё.

Вот так постиг я ход времён,
любовь, зло и добро,
и это знание огнём
сожгло моё нутро.

Теперь копьё в моих руках,
я сторожу чертог.
И жду, затерянный в веках,
что ступит на порог

за мороженый тайной книг,
чей приковало взгляд:
«За краем света, в сотнях лиг
отсюда на закат...»

Восток (Ghazal)

Драгоценную добычу подарила мне война:
деве, что тебе подобна, и полцарства – не цена.

Господин твой прежний стынет средь горячего песка.
В поединке был слабей он – есть моя ли в том вина?

Я люблюсь гибким станом дни и ночи напролёт:
словно пальмовое древо, ты изящна и стройна.

О, изгиб твоей улыбки! Сколько причинил он ран!
Но душе моей отраден, как растущая луна.

Смех звенящий твой коварен пуще, чем вина струя.
Моему он уху слаще, чем певучая зурна.

Нарядил тебя роскошно, златом щедро одарил –
на базарах пусть судачат, велика ль моя казна.

Что чужих мне взглядов зависть, что ползучих слухов яд,
коль со мной седло ты делишь боевого скакуна?

Раздели со мной и ночи, будь сокровищем шатра,
до утра будь неразлучна ты со мной на ложе сна.

Принесёшь ты в брачный дар мне крепость франкского царя.
Да рассеет лик твой светлый псов-неверных племена!

Я газаль слагаю эту: в ней восславится Она –
Сабля – воина подруга и любимая жена!

Гостья

Ты пришла и небрежно откинула на пол манто,
как ненужную ношу с изящных фарфоровых плеч.
Ты пришла рассказать мне всё то, что я знаю давно,
что я слышал при каждой из наших болезненных встреч.

Говорила, что нам никогда не бывать долго врозь:
«Ты же знаешь мой нрав, я тебя никому не отдам.
Ну а что отлучалась – забудь и судить меня – брось.
Разве не благодарен со мной проведённым годам?»

Я смотрю на тебя – и тоска прибывает во мне:
как же прежде мне нравился этот немилостный взгляд?
Неужели прошла та влюблённость – растаявший снег?
Почему я визитам твоим уже больше не рад?

Я увижу, что ты поняла всё сама,
но скажу: «Оставайся пока что, Зима».

* * *

Ожидаю с надеждой тебя, серафим.
Пусть я грешен и веры имею с напёрсток,
продолжаю искать тот пустой перекрёсток,
ведь когда-то же снимут в раю карантин.

Но пока не нашёл, и мне снится порой,
как в пустыне большой мы с тобой говорим.
Как ты, скуп на слова и печалью томим,
отвечаешь отказом, качнув головой.

«Не проси у меня шанс увидиться с Ним,
мы раздали все угли и жала змеи,
эпоха пророков прошла для земли», —
и во сне ты уходишь в рассвет, серафим.

Но опять за окном плещет солнечный свет,
Нет пустыни вокруг, и тебя тоже нет.
Приходи, я по-прежнему жду, серафим.

На восток

Мы сегодня уходим в набег,
наши быстрые сборы легки.
В ожидании скорых побед
я к седлу приторочу мешки.

Я хочу увезти запах льда
с перевала, где даль так ясна,
где застывшая камнем вода
позабыла, что нынче весна.

А ещё уложить я хочу
в свой мешок, после долгого дня,
тишину, когда слышится чуть
колокольчик на шее коня.

* * *

Просто дома. Просто лето.
Мамин чай из чабреца.
«Нэнси» – старая кассета –
Отыскалась у крыльца.

Небо здесь совсем иное.
Разлилась в нём бирюза,
И уходит вдаль льняного
Поля светлая коса.

От лучей игристых солнца
Зелень яркостью пестрит.
Если туча рассмеётся,
Обойдёмся без обид.

Здесь растут воспоминанья,
Собираю их в букет.
Тополя ночным дыханьем
Открывают мне рассвет.

Просто лето. Просто дома.
Мамин чай из чабреца,
Глянут из фотоальбома
Детства пуговики-глаза.

Балаково, Саратовская область

Евгений ДЕРЕЧА

* * *

Город укутан игольчатым инеем.
Зимние ночи особенно длинные.
А я потерялся в сплетении линий
Исходов своей судьбы.

Я вроде бы знаю решение, выход.
Я сделал бы выбор и сделал бы вывод.
Я сделал бы тот решающий выпад,
Когда бы не чёртово «бы».

Дарья НОВГОРОДЦЕВА

* * *

Всё так хрупко, так стремительно и легко.
Мир ускорился, сердце замерло, пропустило
Невесомый удар. Стрела ушла в молоко.
Ничего непоправимого не случилось.

Как колышется листик на глади речной воды,
Так колеблется мир – мы река, мы ручьи и ливни.
Обними меня, друг мой, пока ещё молоды
И пока не проснулись кем-то совсем другими.

Сколько нам остаётся? Неведомо – не беда.
Утекают сквозь память черты, истончаясь светом.
Кем проснёмся мы завтра, год спустя, никогда?
Что я вспомню спустя n прожитых лет об этом?

Как бы мы ни цеплялись за выстраданный покой,
Всё отжившее, все отжившие нас покинут.
Я запомню и их, и тебя, и себя такой.
Я запомню нас всех такими.

Здесь воздух – городскому не чета,
И от росы седеющие травы –
Шиповник, можжевельник, череда.
Вершин вечнозелёных череда
И реки, что не знали ледостава.
Здесь кони, не познавши удила,
Прокладывают собственные тропы,
И каждый пик их сеть перевила.
Нет близко ни кола и ни села.
Воды непрекращающийся ропот,
Дорога в горы. Марево зари
Нам звёздную предсказывает просинь,
А звёзды густо падают, остры.
Ах, август-август, летние костры,
Огни, уже направленные в осень.

Елизавета КЛЕЙН

Планеты

У неё по карманам – малюсенькие планеты.
Словно круглые камушки – разных размеров, цвета.
По ночам достаёт из кармашков, перебирает,
Всё разглядывает, где какие, с каких окраин.

Мама-папа ругаются: выброси, слушай, будет!
У тебя на планетах в грязи заведутся люди.
Ты смотри, перепачкала платье, опять всё в пятнах!
Папа с мамой – они ведь большие, им непонятно.

Как им, взрослым, хотя бы чуть-чуть донести понятия,
Что планеты гораздо, гораздо важнее платья!
А она их то поливает, то удобряет.
Ну конечно же, взрослые это не одобряют.

Потихоньку глядит по ночам в микроскопа линзы,
Всё надеется стать свидетелем новой жизни.
Если кто-то заходит в комнату – ловко прячет,
Иногда маскирует планету, как будто мячик.

Нужно просто мечтать, жить всё время с мечтой о чуде –
На зелёной планетке вчера народились люди...

Санкт-Петербург

Эллина САВЧЕНКО

ЛИПЫ ПОД ДОЖДЁМ

– Как тяжело дышится в городе. После дач это особенно чувствуется. Хоть не возвращайся сюда, – сказал Иван.

– Да, лето здесь всегда душное. Воздух кислый и давящий... Зато липы у нашего дома... Помнишь, какой аромат, сынок?

– Конечно... – мечтательно улыбнулся он. – Как в детстве. Сколько же времени прошло... Мама? Мам, где ты?..

– Да вставай же, дрянь! Продирай свои бесстыжие глаза, – негодовала Сашка.

Иван на мгновение широко раскрыл стеклянные глаза. Потом так же резко провалился в беспамятство.

Сашка кинулась стягивать с него грязную одежду – брат сильно исхудал.

– У тебя есть хоть что-то чистое? – продолжала она.

Комната давно не проветривалась. Сестра, перешагнув через пустые бутылки, пробралась к окну. На пыльном подоконнике валялись дохлые мухи.

– Как ты живёшь, Ваня? Что ты с собой сделал? – обратилась она в пустоту, настежь распахивая обе створки...

...Солнце, радуясь утру, залило детскую ярким светом. Мама протянула к сыну руки. Её звонкий смех, словно лёгкая бабочка, пролетел по комнате. Сашка бегала вокруг коробки с игрушками, шутливо гримасничала, а потом повалилась на кровать к брату и накрылась покрывалом.

– Я в домике, – пискнула она.

– Мам, давай к нам, – предложил Ваня, глядя на игру младшей сестры.

– Ну вот ещё... – насмешливо прикусила губу мать, – у вас в домике и так тесно. Хотя...

Сашка открыла платяной шкаф. Он оказался почти пуст – дешёвые спортивные штаны, старая отцовская рубашка, скомканное грязное бельё.

– Животное... – беспомощно опустив руки, простонала сестра. – Ну я тебе сейчас покажу!

Сашка кинулась в ванну – под раковиной стояло ведро. Она наполнила его водой...

Брат лежал, запрокинув голову. Видно было, как под впалыми рёбрами надрывно колотится уставшее сердце. Сашка с трудом опрокинула ведро на Ивана. Тот в испуге подскочил и замахал руками.

– Проспался, гад? – выпалила Сашка и, оскалившись, грохнула ведро на липкий пол. – Проспался?

– Шурик, ты чего? Спятила? – ошалел Иван.

Он надавил ладонями на глаза и помотал всклокоченной головой. Мокрый, брат казался жалким.

– Мама! Мам! – требовательно закричал Иван, ища поддержки.

– Всё хорошо, ты прекрасно держишься, – подбодрила она. – Все смотрят на нас.

– Твоя школа, мам! Я никогда не научился бы так вальсировать.

– Горжусь тобой, мой мальчик! Мой выпускник...

Иван чуть сильнее вздёрнул подбородок, сдерживая эмоции. Он не отрывал от матери восторженный повзрослевший взгляд. От неё, самой нежной и преданной, которая никогда никуда ни при каких обстоятельствах не уйдёт. Запах её витал вокруг, обволакивал и убаюкивал. Он смешивался с недорогим, но утончённым парфюмом, вплетался в её выюжные волосы и пульсировал на изящных запястьях. Сашка раскачивалась в такт музыке, стоя у колонны в зале и, покрасневшись от волнения и духоты, довольно щурилась.

Сразу после окончания Краснодарского политехнического техникума Иван ушёл в армию. Вернулся оттуда оглохшим на одно ухо, беспокойным, с изводящими головными болями, которые он снимал алкоголем.

...Сашка схватила брата за руку и силком потащила в ванную.

– Умой морду, свинья! А ещё лучше – залазь целиком! – командовала она.

– Уйди! При тебе не буду, – сконфузился Иван.

– Полезай уже, – умоляюще протянула Сашка.

Иван сел в ванну, обхватив колени руками. Сашка включила душ и принялась аккуратно мыть брату голову.

– Сейчас мы будем чистенькими, – смягчилась она. – Вот так... Вот так... Молодец. Расцепи руки, не бойся. Я помогу. Помнишь, когда ты был маленьким, мама купала тебя и напевала: «Ай, лады-лады-лады, не боимся мы воды, чисто умываемся – маме улыбаемся...»

Иван крепко сжал губы. По его бледному исхудавшему лицу бежала горькая вода...

– Мне снова отказали, мам! – негодовал Иван. – Получается, для меня работы нет?

– Ты не так всё понимаешь, Ванечка! У тебя сейчас проблемы со здоровьем. Я позвоню доктору...

– К чёрту твоего доктора! К чёрту вас всех!

– Позвони, – вставил свои пять копеек отчим, дежурно погладив жену по руке. – Может быть, Ивану добавят пенсию по инвалидности? Надо бы узнать.

Иван схватил отчима за грудки.

– Как ты могла сойтись с ним? – вспыхнул он, не глядя на мать. – Может быть... тебе на себя в зеркало посмотреть, «папочка»? Да ты отцу нашему в подмётки не годишься!

– Чего? – оттолкнул тот Ивана. – Совсем сбрендил...

– Смотри у меня, Илья Анатольевич...

– О чём ты, Ванечка? – всполошилась мать.

– Щенка своего на цепи держи, дура! – отчим сплюнул и выскочил в коридор.

– Илья!

– Пусть идёт! – Иван прижал мать к себе, накрыв её голову руками, словно большая птица крыльями. – Хорошо, что Сашки сейчас нет... это хорошо... Устала ты, мам, со всеми нами... сволочи мы – всю жизнь из тебя выпили...

Она не сопротивлялась, ничего не отвечала и ещё не знала, что Илья Анатольевич больше никогда не вернётся.

Ивана трясло. Он с отвращением смотрел на пустые бутылки. ...Сашка заварила чай и подала брату.

– Твой желудок ещё способен принимать что-то, кроме водки? – не скрывая издёвки, спросила она. – На кухне – шаром покати. Что ты ешь?

– Мама всю неделю приходит – подкармливает. Когда она у меня – я не пью. Это правда, Шурик. Я клянусь. Мне стыдно пить при ней. Она гладит меня по лицу и приговаривает: «Красивый мой, лучший мой». А потом она только за порог – я к стакану. Вот думаю, может, к вам обратно переехать – совсем с этим делом завяжу.

Сашка отвернулась к окну и слотнула комок, пытаясь унять дрожь. Рваные занавески надувались от залетавшего в узкую форточку ветра.

– Везде одна вонь! Во что ты превратил бабушкину квартиру? – с ненавистью буркнула она.

– Мама за меня переживает. А за тебя спокойная, – продолжил Иван, не обращая внимания на Сашкин вопрос.

– Что? – отвлеклась та.

– Ну ты ж всегда у нас, как локомотив, прёшь... это я инвалид безголовый – чёртова армия... А пенсию-то мне и впрямь повысили, прав оказался этот гад, – на поддержание штанов хватает.

У Сашки было ощущение, что она ходит по кругу. Вот она собирает брата, собирает, а собрать никак не может, будто время остановилось. Полусон, полубред... Она бежит-бежит, а всё на одном месте – нестерпимое бремя.

– Может быть, мы спим? – спросила она у Ивана. – Я сплю, ты – спишь. И всё вокруг – неправда. Так ведь не бывает в жизни – такого безысходства не должно быть. Неправильные мы какие-то, что ли...

– Какие ты слова знаешь, – необидно улыбнулся Иван. – Конечно, сон, конечно, – спим, конечно, – всё абсурд. Но где-то есть жизнь, нормальная человеческая жизнь... Она ведь была у нас. Когда-то, в далёком детстве, где мама молодая и сильная... Чёрт!

– Замолчи... – сквозь зубы процедила Сашка.

Иван придурковато прикрыл рот растопыренными пальцами:

– Молчу... молчу...

...Дождь не прекращался целые сутки. Сашка ходила по свежевывытому деревянному полу, ещё влажному, приятному для босых усталых ног. Сквозняк разносил по квартире запах липы.

– Мам, зачем ты так носишься с Иваном? Ты словно вину какую-то чувствуешь перед ним... – заметила Сашка. – Может быть, ему вообще пока пожить отдельно – в бабушкиной квартире?

Мама глянула на часы.

– Он скоро вернётся с практики, Шурочка. Надо приготовить обед.

– Мам...

– Да, да, дочь, Иван нуждается в заботе больше, чем ты. Сама знаешь... Знаешь не хуже меня. Иван болен. Если не поддерживать его, он совсем опустится.

– Что произошло тогда, в армии? – тихо спросила Сашка.

– Избили за непокорность. Твой брат – парень гордый, крепкий, а там поломать решили, ну и поломали. Я тебе не стала всего говорить: когда врачи обследовали Ивана, то руками развели – как с такой кашей в голове он вообще ещё живёт? Не били его, Шурочка, а убивали... Мне больно об этом вспоминать.

Сашка опустила глаза.

– Неужели в городе нет подходящей работы для таких, как Ваня? Он бы не пил.

– Шура, у нас человека за человека не считают. О чём ты...

– Че-ло-ве-ка... – протянула она.

...Сашка отошла от окна. Иван снова провалился в сон, сидя за столом. Сквозняк скользил по горлышкам пустых бутылок. Входная дверь будто скрипнула, и Сашка, спохватившись, думая, что забыла повернуть ключ, пошла в коридор. Проходя мимо брата, она заметила лёгкую улыбку на его лице. Он немного наклонил голову, как бы ластясь к кому-то. После недельной пьянки он казался каким-то блаженным существом, далёким от этого жестокого мира. Дверь была заперта.

– Показалось, – шепнула Сашка и вернулась к брату. – Иван, – тронула она его. – Иван, пора протрезветь. Её скоро привезут домой. Ваня...

Брат сладко безмятежно зевнул.

– Мама, – он попытался улыбнуться. – Я обещаю больше не пить. Не суди меня... Пожалей... хотя тебе и самой больно. Похудела, бледная, измученная, но красивая, как и раньше, когда мы с Шуриком были малые. Мам... Мам, ты куда?

– С кем ты говоришь, Иван? – обречённо спросила Сашка. – Я такси вызову, и поедem. Домой поедem. Хорошо? Как бы ты сейчас ни уходил от реальности, но пора проснуться. Нам всем пора проснуться. Пора.

– Что пора, Шурик? Куда пора?

Сашка подала брату одежду.

– Маму скоро привезут, – медленно повторила Сашка. – Прощу тебя, собирайся. Попрощаться надо...

– Что значит, привезут? – забегал глазами Иван.

– Вань, мы маму завтра хороним. Приди же наконец-то в себя! – уже не сдерживаясь, крикнула Сашка.

Иван вскочил, опрокинув стул, и попятился от сестры.

– А-а-а! – неестественно скривив рот, хрипло простонал он и, уткнувшись в стену, сполз по ней на пол. Протрезвев от охватившего его ужаса, Иван судорожно задышал, пытаясь выдавить из себя крик. – А... – горло, сдавленное спазмом, не слушалось.

Сашка подбежала к брату и обняла его.

– Три дня как нет её! Три дня! Понимаешь ты? Вставай, или я тебя выволоку отсюда, – заплакала сестра и стала натягивать на брата одежду.

– Шурик... – Иван вдруг замер, уставившись на сестру помертвевшими глазами, – у меня ж мама умерла... Шурка... мама умерла... моя мама...

Сашка бессильно опустила руки. Чёрная беспросветная тяжесть, словно прорвав плотину, обрушилась на неё. Локомотив... Так вот, значит, как... Иван – пьяница, а как сильна его любовь к матери... как сильна... Впервые Сашка поняла это. В ней что-то глухо гудело, пронизывало её и сдавливало грудь.

– Ты же сказала, что мы во сне, так? – утвердительно переспросил Иван, вскочив с пола.

– Что ты удумал? – напряглась Сашка.

– Мы проснуться должны. Ты всё мне врешь! Чёрт! Тягомотина какая-то! Она же ко мне приходила все эти дни... Я ж её за руки держал...

– Ты пьяный был всё это время! Ты бред несёшь! – не уступала сестра.

– Это ты – сон, ты – ненастоящая. Уйди с дороги! – Иван кинулся в комнату.

Сашка в ужасе вбежала вслед за братом в хмурую комнату и мгновенно окаменела – Иван стоял на подоконнике, слабо балансируя и прерывисто дыша.

– Не подходи! – зашипел Иван.

– Ванечка... – осторожно обронила сестра, делая медленные шаги. – Вань... Иди ко мне... хороший мой, лучший мой, красивый мой.

– Сил нет, Сашка... Кто меня теперь поймёт?

– Я у тебя есть, – ласково уговаривала она.

– Зачем жить?

– Ты ради неё и живи, живи ради памяти... вопреки живи...

Брат молчал.

– Руку дай, – приблизилась она к нему. – Протяни руку, Ванечка...

Иван медленно опустил обе руки и зарыдал. Сашка бережно, испытывая невероятный страх, обхватила брата – дрожь била всё его больное тело.

– Помнишь, мама ругала нас с тобой, когда мы однажды на крышу забрались? – спросила Сашка. – А ты плакал и обещал больше никогда на высоту не забираться... Помнишь, Ванечка?

– Как я жить буду, Шурик... – не слыша её вопроса, сказал Иван.

– Завтра мы обязательно проснёмся...

Где-то, далеко за городом, громыхнуло, и после минутного затишья ливанул дождь. Из широко открытого окна в комнату хлынула свежесть. Запахло липами...

Краснодар

ТАЛИСМАН

Майский пятничный полдень. Конец первой смены в школе. Дети возвращаются домой.

Солнце безжалостно палит, деревья, дарящие свою тень людям, сами просят тени. Птицы звонкоголосо заполняют трелями улицы, пытаясь заглушить шум автомобилей, проезжающих мимо тополей.

Второклассница Таня возвращается из школы с дневником, полным пятёрок, заданий по математике, и игрушкой, которую она с недавнего времени носит в качестве талисмана. Оранжевый заяц в розовом платье и с розовым носом. Подарок покойной бабушки.

Таня идёт через стадион с портфелем за спиной, мечтательно смотрит по сторонам: в правой руке несёт зайца, в левой – чёрный пакет со спортивной формой.

– Эй, сюда иди! – раздаётся грубый голос из-за трибуны.

Девочка оглядывается по сторонам, но никого не видит. Рука сильнее сжимает зайца.

– Ты не поняла, что ли? – снова слышится мужской голос где-то рядом.

«Бежать!» – думает Таня и бросается вперёд. До отделения полиции рукой подать: всего лишь перебежать через крутящуюся перегородку, через дорогу и напрямик в здание.

Но попытка её не увенчалась успехом. Из-за трибуны резко появляется долговязый парень, известный в селе как Пижма. Таня знает, что его зовут Максим, что его выгнали из школы пару лет назад за драки и вандализм. Кроме того, от сведущих в сельской жизни одноклассников Таня знает, что встретить Пижму – значит «быть битым или обворованным».

Пижма смотрит на девочку, не моргая и уперев руки в боки. Он чувствует себя хозяином положения. Уже пару месяцев он

останавливает детей и отбирает у них деньги, запугивает их и с упоением наблюдает, как хорошенькие детские лица принимают выражение ужаса и боли. Он знает, что такое боль и страх.

Если у девочек Пижма «конфискует» (как он сам любит повторять) только игрушки, деньги или рвёт книги, то мальчиков пинает, вытряхивает их портфели и страшит так, что жертвы его нападков обходят стадион за пару кварталов.

Дети молчат о произошедшем. Придумывают оправдания своей слабости и испорченным вещам. Боятся.

Таня знает об этом, но путь через стадион короче, ведь ей предстоит идти в другой конец Тамбовки по Первомайской улице. «Зачем обходить, если можно срезать?» – совсем недавно ещё думала она, но теперь искренне раскаивается в своём выборе.

– Отдавай то, что в руках! – подойдя ближе к застывшей на месте девочке, приказывает Пижма.

Таня стоит и смотрит на него снизу вверх, её большие зелёные глаза начинают блестеть, конопатый нос морщится, а щёки краснеют.

– Оглохла, что ли? – продолжает парень и протягивает руку с грязными ногтями к Таниному лицу. Рука его дрожит от удовольствия. Дрожит от страха и Таня, но замечает за спиной хулигана в паре метров белобрысого Сашку из параллельного класса. Он показывает пальцем на себя, потом медленно в сторону здания полиции и кивает.

Девочка еле заметно кивает в ответ и видит, как Сашка мчится в полицию. От зарождавшихся в её глазах слёз почти не остаётся и следа.

– Не отдам! – неожиданно для себя самой кричит Таня и бросает пакет с формой в лицо Пижме. Тот от неожиданности вскрикивает и резко хватается рванувшую мимо него Таню за руку. Хватает больно.

– Совсем оборзела, овца? – сквозь зубы цедит парень, приближая своё озлобленное лицо к Таниному лицу. Изо рта его

несёт сигаретами. – Жить надоело? Ты, малолетка, совсем страх потеряла?

– Отпусти! – кричит девочка, пытаясь вырваться, но рука её не слушается, она всё ещё в цепких лапах хулигана.

Почувствовав азарт, Пижма толкает Таню, девочка падает на землю рядом с большим тополем, около которого пару дней назад нашла сто рублей. Почему-то именно мысль об этой находке появляется в голове испуганной Тани. Страшно.

Тем временем Пижма берёт выпавшего из Таниной руки зайца и, обнажив свои желтоватые зубы, кусает игрушку, не сводя глаз с девочки, а потом рвёт бабушкин подарок пополам.

Таня жмурится, чтобы не видеть, как её талисман трещит по швам, как из него выпадает поролон, как розовый нос отлетает в сторону и катится под трибуну...

Время будто замедляется. Слышатся натянутые шорохи. Крики.

Высокий мужчина в форме и Сашка будто плывут в сознании девочки. Таня сидит у тополя, обхватив колени руками, и не может отвести взгляд от полицейского.

Высокий, сдержанный, серьёзный, он сначала что-то долго говорит Пижме, не повышая голоса. Таня видит, как сверкают глаза полицейского, как двигаются его скулы, сводятся брови.

Ещё совсем недавно дерзкое лицо хулигана меняется, нижняя губа подёргивается, голубые глаза бегают. Он переминается с ноги на ногу, робко трёт руки о дырявые зелёные джинсы, но не поднимает взгляда на мужчину в форме.

Это не первая и не последняя встреча Пижмы с полицейским. Но именно эта встреча решающая. Для Тани.

Девочка не слышит разговоров. Она просто смотрит. Как глухая. Периодически переводит глаза на растерзанную любимую игрушку. Но теперь она чувствует себя в безопасности.

Сашка, ощущая гордость, стоит рядом с Пижмой и полицейским. Для Тани он герой. Вовремя появился.

Полицейский ведёт обмякшего и податливого Пижму в отде-

ление, попросив ребят не уходить. Сашка, по просьбе полицейского, остаётся с Таней.

– Ты как? – спрашивает мальчик, сочувственно похлопывая Таню по плечу.

– Да нормально... – тихо произносит девочка.

– Знаешь, я решил, что хочу быть полицейским. Мне понравилось помогать.

Спустя пару минут Таня и Сашка идут в сторону отделения полиции. Сашка с Таниным портфелем и чёрным пакетом. И Таня с игрушкой, разорванной пополам, в дрожащих от горечи и обиды руках.

Полицейский переходит дорогу и идёт к ним навстречу, приближается к Тане и крепко её обнимает, целует в затылок.

Таня плачет, уткнувшись в серую плотную форму полицейского, а потом с улыбкой произносит:

– Спасибо, пап...

село Тамбовка Амурской области

Маргарита КОВАЛЁВА

СКУЛЬПТОР

Это была холодная ночь. Большая белая луна сияла на бархатном синем небе. Её свет заливал узкие улочки огромных и помпезных Афин. Темноволосый юноша бежал по этим улочкам, стараясь остаться незамеченным. Но полы хитона бились о колени, а кожаные сапоги – эндромиды – скрипели при беге. От разоблачения его спасал лишь плащ, который скрывал лицо.

В Элладе наступила зима – воздух стал влажным, дышать было тяжело. Но юноша продолжал путь к храму.

Он не желал с кем-либо делиться своими переживаниями, потому и выбрал ночь для своих походов. Он был худшим учеником

у известного скульптора. И сколько бы часов он ни провёл с глиной, деревом, бронзой или мрамором, скульптуры не становились лучше. Ведь ни чистая эллинская кровь, ни богатство его семьи не могли прибавить главного – таланта.

При свете луны хорошо был виден силуэт храма. Высокая лестница вела к симметричному зданию, величественные колонны которого поддерживали двускатную крышу. На фронтоне был изображён один из многочисленных эпических сюжетов. Юноша с трепетом взглянул на хорошо знакомую картину. Засуетился. Конечно, ему полагалось остаться снаружи и подойти к алтарю. Но молитвы у алтаря не давали никакого эффекта. Поэтому он быстро поднялся по лестнице и скользнул внутрь храма.

Каменный пол охлаждал ступни. Он скинул капюшон. Глаза не сразу привыкли к темноте. Юноша прищурился: по обе стороны стройными рядами стояли колонны. С конца помещения на него строго взирала статуя богини Афины – покровительницы города. Однако она одна вряд ли могла исполнить его просьбу, обращённую ко всем богам Олимпа.

– О великие боги! – он вскинул руки в горячей молитве. – О ясноглазая Афина, – он осмелился взглянуть на статую в конце храма. В мраморных глазах сверкнул лунный свет, лучи которого едва доходили до изваяния богини.

– Я, смертный эллин, прошу вас лишь об одном, милосердные боги. Спуститься со священного Олимпа и одарить меня способностью к сотворению скульптуры... – молил он дрожащим голосом. После он стал обращаться к каждому из богов по отдельности, надеясь быть услышанным.

По холодному полу начал стелиться сизый туман. Свет луны стал ярче – в храме посветлело. Забывшись, юноша не замечал происходящих перемен.

Мраморные веки сомкнулись на нарисованных глазах статуи Афины. Лёгкий порыв ветра шелохнул изысканное золотое одеяние. На белоснежном мраморном лице растянулась паути-

на из множества трещин. Тело стало раскалываться. Осколки летели вниз, но таяли в темноте, так и не разбившись о каменный пол.

Из-за колонн медленно и бесшумно появлялись силуэты олимпийцев. Вот выпорхнула любящая улыбку Афродита, а напротив неё появился предводитель муз Аполлон. Один за другим олимпийцы вышли к юноше, замерев в центре храма. Афина, сбросив свой искусственный облик, спустилась с пьедестала последней. Среди всех особенно выделялась высокая и плечистая фигура бога грома и молний – Зевса. Его голос был низким и грозным:

– Ты, смертный, нарушил многие правила, чтобы мы обратили на тебя своё внимание. Но ты по-настоящему искренен в своём желании. И мы способны его исполнить.

Юноша наконец прервал молитву и взглянул на богов. Он не поверил своим глазам: его и вправду услышали! От волнения его била крупная дрожь.

Зевс продолжил:

– Однако есть условия. Раз уж ты идёшь против воли богов, то тебе придётся отказаться от чего-либо взамен. – Он обвёл рукой остальных олимпийцев. – Мы решили, что достойной жертвой станет твоё имя. Все твои друзья и родные забудут, как тебя зовут, а взамен мы наградим тебя всем тем, что нужно творцу. Мудростью, силой, вдохновением и владением всеми нужными инструментами. Твои творения будут как живые.

– Как живые? Это значит, что они смогут ходить и говорить?

– В тебе появится частица божественной силы. Мы ещё не знаем, чем это может закончиться. Но помни! Если хоть кто-то из живых людей узнает твоё имя, то ты лишишься нашего дара. Чтобы ты не кичился своим именем и не поддавался гордыне. Чтобы ты не забыл нас, богов. Ведь мы даём тебе талант. Таков наш уговор. Согласен ли ты?

По его щеке сбежала слеза. О большем он не мог даже мечтать.

– Да! Я согласен...

От тумана, который будто покрывалом застелил храм, у него закружилась голова. Глаза стали слипаться, и он сам не заметил, как провалился в глубокий сон. Очнулся уже на рассвете, лежащим на холодном каменном полу. Мышцы затекли, да и всё тело отзывалось ноющей болью после подобной ночи.

И юноша всё никак не мог понять главного: сон это был или явь. Действительно ли к нему спустились боги? И исполнили ли его сокровенное желание?

* * *

Занимался рассвет. Над Элладой взошло тусклое зимнее солнце. Его света не хватало для того, чтобы очертания домов стали чёткими. Юноша торопился домой из храма. Он собрался раньше обычного и ускользнул на занятия.

Он пришёл первым. Постепенно стали приходиться и другие ученики. Они не здоровались с ним по имени, как это бывало раньше. Да и какая разница? Он хотел уже поскорее взяться за работу, чтобы проверить свои способности. Наконец появился учитель:

– Доброе утро, дорогие ученики! Сегодня мы с вами начнём работу над новой деревянной статуэткой. Это будет дятел.

– Учитель, а когда мы наконец приступим к скульптуре человека? – с нетерпением спросил юноша. Учитель с непониманием взглянул на него, нахмурившись:

– Как же тебя... – прошептал он, но бросил попытки вспомнить имя. – Сначала вам нужно научиться создавать простые формы. Птиц, зверей. А потом уже думать о чём-то хотя бы близко похожем на человека. А именно тебе вообще рано даже говорить о статуях людей!

Остальные ученики рассмеялись, но учитель пресёк их насмешки.

– У тебя впереди ещё много работы. Начни хотя бы с дятла.

Юноша расстроился, но перечить не стал. Парни достали инструменты и начали ваять, строго следуя указаниям учителя. Но

будущий творец вполуха слушал объяснения – его руки в мгновение ока стали ловкими и умелыми. За одно занятие он успел завершить работу, пока остальные сделали лишь первые шаги. Конечно, дятел был не идеален, а в руках всё-таки остались занозы. Но он смог впечатлить мастера:

– Как быстро ты управился! Посмотрите, дети. На следующем занятии я жду от вас такого результата.

Юноша сиял от счастья. Его друзья были восхищены статуэткой, хотя раньше они могли зло пошутить над его работами. После занятий он подхватил деревянного дятла и побежал с ним домой.

Родители тоже перешли с обращения по имени к простому «сын». Впрочем, ему было безразлично, как к нему обращаются. Он вбежал в свою комнату и поставил статуэтку на стол. Решил её немного доработать и покрасить. Вечером перед ним стоял пусть немного неказистый, но дятел. Юноша был впечатлён деревянной птичкой – она была довольно сильно похожа на живую.

– Красивая птица, – забывшись, прошептал он. Заигрался, как ребёнок. – Назову тебя Пули. А знаешь, как меня зовут?..

Он еле слышно прошептал игрушечной птице своё имя. Она ведь не живая, а значит, правило не нарушено. Но голубые глаза юноши округлились, когда от крашеной древесины стали отделяться тончайшие деревянные пёрышки. Перья проламывали деревянное туловко – на нём появлялись щели. Когда щелей стало слишком много, то во все стороны полетели мелкие щепки. Живо заблестели чёрные глазки. С треском раскрылся клюв. Дятел тут же стал выдалбливать свои лапки из массивной подставки. Юноша, раскрыв рот, наблюдал за произошедшим чудом. Спустя несколько минут Пули улетел через окно. Теперь юный мастер понял, что события, произошедшие в храме, были правдой. А это значит, что он наконец-то сможет создать что-то поистине прекрасное.

Прошли годы. Юноша стал зрелым мужчиной. Тело окрепло, кожа загорела от многих часов, проведённых на солнце. В тёмных вьющихся волосах появились первые седые волоски. Меж бровей пролегла складка, делающая лицо задумчивым. Вокруг глаз появились лучики морщин.

Закончив обучение, он погрузился в творчество. Стал много работать и прославился как талантливый скульптор. Начал получать большие деньги за свои статуи для множества городов Эллады. Но самыми дорогими всегда оставались ожившие скульптуры, создававшиеся втайне от остальных. Уже живущие среди людей творения невозможно было отличить от обычных смертных. И только автор, которого стали называть Великим Скульптором, мог узнать своих «детей» в толпе.

Скульптор выкупил мастерскую на окраине Афин. Небольшой домик, состоящий из нескольких комнат, был построен на вершине холма. Вокруг него росли гранатовые деревья. Там и поселился на многие годы. Не захотел переезжать ближе к центру.

В один из многих солнечных дней в жарких Афинах Скульптор по привычке отдыхал на крыльце своего дома, как вдруг увидел человека, который направлялся в его сторону. Ещё издаля можно было заметить, что его походка напоминала перекачивания бочки.

– Здравствуй, Великий Скульптор! – не отдышавшись, сказал человек-бочка, сделав попытку поклониться. Ему помешал необъятных размеров живот.

– Здравствуй, здравствуй, – протянул мастер, не вставая со ступеней. – Зачем пожаловал, добрый человек?

– Меня это, мамаша к вам за женой послала, вот, – неуверенно пролепетал он. Скульптор спокойно поднялся и жестом пригласил пройти в дом.

– Мамадя говорит, мол, ты и такое умеешь. Ну, что ты мне... жену, короче, вылепишь. А то мне лет уже ого-го, а невесты и нет. Люди уже косо смотрят...

Скульптор внимательно слушал гостя. Он стал рассматривать его, будто пытаясь заглянуть в душу. Потом подошёл к столу и сделал какие-то записи.

– Дуб или сосна... – пробормотал Скульптор.

– Что-что?

– Какую ты жену хочешь, спрашиваю?

Человек глубоко задумался:

– Ну, покладистую. Трудолюбивую. Главное – чтоб меня слушалась, во!

«Всё-таки дуб», – подумал Скульптор.

– Хорошо. Приходи за женой ровно через три дня.

– А тут это, маманя сказала, что это тебе отдать надо. За работу. Специально откладывала... – гость достал из-за пазухи небольшой свёрток и протянул его мастеру. Тот не глядя взял его.

– В-великий С-с-скульптор, ну ты п-пересчитай хоть. Вдруг не хватает, – гость совсем растерялся.

– А я за жён цен и не назначаю. Если уж человек приносит что-то из благодарности, от излишка денег в доме, то это ладно. А если мать твоя решила последние сбережения отдать, то лучше отнеси их обратно домой. Так матери и скажи, что за работу я ничего не взял, – мягко сказал Скульптор и подтолкнул человека к выходу.

Мастер вставал на рассвете и ложился глубокой ночью. Он работал не покладая рук. Он вытачивал из дуба детали для деревянной статуи. Туловище – бочка, с полными бёдрами и грудью. Плоское, как блин, лицо. Волосы из соломы. Круглые, навывкате глаза. Работа была сделана настолько талантливо, что эту деревянную женщину почти и не отличить от настоящей.

– О, вот это жена! – восхищённо произнёс человек, когда пришёл за деревянной статуей. – А могу ли я её обнять?

– Конечно, можешь.

Статуя подняла руки и подошла к своему новоявленному жениху.

– Вот ты где, родненький мой! – проскрипела она, прикос-

нувшись шершавыми губами к щеке гостя. Гость же расплылся в довольной улыбке. Он почувствовал и мягкость её кожи, и тепло, исходящее от тела, и даже щекой ощутил её натужное дыхание.

– А ты же отведёшь меня домой? – она с мольбой посмотрела на него своими деревянными глазами, на которых краской были нарисованы зрачки. Казалось, что деревянные глазки даже блесят от счастья.

– Ну конечно! Пошли, жена, – человек взял статую за шершавую твёрдую руку и ушёл с ней обратно в город.

Скульптор тревожно смотрел им вслед. Для него и руки у статуи были слишком твёрдые, и голос слишком древесно-скрипучий. Но потом он успокоил себя тем, что в этих недостатках человек увидел особое обаяние.

Мастер сел на крыльцо и задумался. Из-под его рук вышло много творений: и удачных, и не очень. Кто-то радовался и восхищался, а кто-то, наоборот, сыпал проклятиями и грозился уничтожить очередное городское изваяние. И это зачастую не зависело от качества работы. Многих устраивала посредственность, далеко не все были ценителями прекрасного. Вот и сегодня он закончил очередную жену для очередного горожанина, но так и остался неудовлетворён. Всё это как-то пусто. Бессмысленно. Боги наделили его удивительным даром, а он тратит его на сущие безделицы.

Он вошёл в дом. Пройдя через крохотную комнату, которая совмещала в себе кухню и спальню, он попал в просторную мастерскую. На столах и полках лежали инструменты. Всюду стояли мешки и ящики с различными материалами. Пол был усыпан деревянными опилками и каменной крошкой, проход в следующее помещение был завешен холщовой тканью. Отодвинув её, Скульптор сразу скользнул в глубь небольшой и очень чистой комнаты.

В центре стояла статуя, накрытая чехлом из тончайшего белого шёлка. Аккуратно сняв чехол, Скульптор лицезрел лучшую

свою работу. На неё от тратил все свои деньги и свободное время. Он начал её создавать несколько лет назад и до сих пор не закончил.

Каждый волосок на её голове был сделан вручную из золотых нитей. Густая копна волнами ложилась по плечам и спине, доходя до поясницы. Глаза – сапфиры, губы – лепестки роз. Руки её были вытянуты вперёд, будто стремясь обнять творца. Всё тело было вылеплено из белоснежного воска, но едва ли её можно было назвать мягкой. Ведь скелет был сделан из стали. А когда идеальная скульптура оживёт, то в груди начнёт стучать сердце, сделанное из золота. И тогда её руки протянутся к первому объятию, и заморгают прелестные глаза, и губы разомкнутся для первых слов.

Мастер с трепетом смотрел на статую. Он уже выбрал ей имя – Иваника, «идеальная» на языке эллинов. Он заложил в неё по крупице от каждого бога Олимпа.

На глаза навернулись слёзы. Решится ли он оживить её и показать миру? И найдётся ли достойный муж для Иваники? Он с нежностью прикоснулся к восковым пальцам. От тепла рук подушечки слегка деформировались. Он кинулся к инструментам и поспешно поправил ей руку. Конечно, можно было сделать скульптуру из мрамора или бронзы, и никакие внешние угрозы не будут страшны. Но тогда вместе с этим потеряется вся прелесть характера Иваники. Потому что жёны, сделанные из бронзы и мрамора, – это жестокие жёны, холодные жёны и жёны-снобы. По мнению Скульптора, такой характер уместен лишь иногда, но для идеала он не годится.

Иваникой можно было бесконечно любоваться. Скульптор был уверен, что она также станет прекрасным собеседником. Острый ум и весёлый нрав помогли бы ей в этом. Пожалуй, ей бы подошла служба в полумраке храма, ведь она была создана на радость богов.

Мастер услышал шаги, но гостей он сегодня больше не ждал. Быстро накинул чехол обратно и юркнул в мастерскую. На пороге

стоял архонт – один из правителей Эллады. Рядом с ним стояло несколько охранников с копьями.

Архонт был родом из Рима и потому чувствовал себя не столько правителем, сколько хозяином эллинов. От природы был смуглым, с чёрными злыми глазами. Он смотрел на мастера свысока:

– Ну здравствуй, человек без имени. Я не поверил собственным ушам, когда услышал, что на окраине Афин живёт чистокровный эллин из богатой семьи, отрёкшийся от имени. Эллин, который мог стоять сейчас вместо меня, приравнял себя к жалкому рабу. Не может этого быть! – незваный гость всплеснул руками.

– Ты пришёл ко мне, архонт, чтобы унижать? Или всё-таки будешь говорить по делу?

– Я пришёл узнать, так ли хорош тот, кто в народе известен как «Великий Скульптор». Я собираюсь жениться. У тебя есть женщина, достойная стать женой архонта?

«Да уж, слухом земля полнится», – подумал Скульптор.

– Какую жену ты хочешь, архонт, правитель всея Афин?

– А у тебя в мастерской целый гарем?

– Нет. Мне нужно понять, с каким материалом лучше работать. И определить срок работы.

– В смысле – срок? Ты отдаёшь мне невесту сегодня, а лучше сейчас. И завтра мы играем свадьбу.

– За сегодня я смогу сделать разве что огородное чучело.

– Мне нужна лучшая женщина во всей Элладе!

– Мне понадобится минимум неделя, чтобы создать подобную.

– Врёшь, мерзавец! Либо сегодня приводишь мне невесту, либо сию же минуту мои охранники проткнут тебя копьями.

Скульптор не шелохнулся. Архонт вскинул брови, удивившись такому поведению:

– А ты не так прост, как кажешься. Ладно, веди нас в дом.

Хозяин дома тяжело вздохнул, но деваться было некуда. Провёл посетителей в мастерскую. Архонт сразу заметил

занавешенный проход. Вот чего Скульптор не умел, так это маскировать.

– А там что за помещение?

– Кладовая, – неуверенно солгал он.

– Ну, сейчас проверим, – правитель жестом указал на ткань.

Один из охранников послушно её отодвинул. В центре мастерской стояла статуя, накрытая шёлком. – Снимайте!

Охранники сняли чехол. Правитель, увидев Иванику, обомлел. Скульптор же, опешив, лишь сейчас подлетел к статуе, встав между ней и архонтом. Не отрывая взгляда от изгибов её фигуры, римлянин прошептал:

– Она прекрасна...

– Она ещё не готова! – проревел мастер.

– Мне плевать. Либо она будет моей, либо ничьей больше.

А почему она не двигается?

– Потому что она ещё мертва.

– Так оживляй.

– Я не сделаю этого в твоём присутствии.

– Это ещё с какой стати, раб?

– Хотя я и отказался от имени, но рабом не являюсь, архонт.

И я не могу тебя посвятить в таинство зарождения живого в неживом. Так велят делать боги.

– Будь по-твоему, – правитель развернулся и вышел вместе со своими воинами.

Скульптор остался наедине со своим творением. Его сердце терзало отчаяние. Либо он добровольно отдаёт лучшее, что было им создано, архонту, либо погибает вместе со своим идеалом. Он припал к пьедесталу и беззвучно заплакал. Руками обхватил мраморную подставку, стараясь не задеть скульптуру. По щеке скатилась горячая солёная слеза. Он не был способен расстаться с Иваникой прямо сейчас. Ведь это означало бы, что сотни часов кропотливого труда были отданы лишь для того, чтобы позабыть тирана. Что его прелестная Иваника, подарок богов, была создана для жестоких утех.

С трудом поднялся с колен. Взглянул в сапфировые глаза. Кажется, она уже жила, но просто не подавала виду, ожидая разрешения творца. Скульптор наклонился к её уху и прошептал своё имя.

Восковые веки в то же мгновение опустились. Руки, протянутые вперёд, обхватили Скульптора за плечи. Она сделала первый шаг с пьедестала, чуть не оступившись. Скульптор, как заботливый отец, подхватил её. Отдёрнулся – он не должен ненароком повредить её.

Он вывел её в мастерскую. Архонт плотоядно улыбнулся. Скульптору в тот же момент стало дурно.

– А как же приданое, папаша? – елеинно сказал жених.

На неверных ногах Скульптор дошёл до места, где хранил свои сбережения. Достал два мешка с золотом (золото он держал на случай покупки дорогих материалов) и поставил их перед правителем. Каждый мешок, пожалуй, весил по пуду.

– Прекрасно, – архонт продолжал любезничать. – Заключим же клятву, папаша?

Скульптор взглянул в губительные чёрные глаза римлянина. Это человек убил сотни других людей. Но Скульптор наделил Иванику разумом и мудростью. Она ловка и по-женски хитра. Она должна справиться с предстоящими трудностями. Творец собрался с духом и произнёс заветные слова:

– Я отдаю тебе свою дочь для посева с целью производства законных детей.

– Я беру её, – ответил архонт и скрепил их клятву рукопожатием. Спустя минуту гости покинули дом Великого Скульптора.

Мастер закрыл за ними дверь. Медленно опустился на пол и схватился за голову. Сил на слёзы уже не хватало. Он стал анализировать произошедшее, но разумные мысли отказывались посещать его светлую голову. Что ж, во всяком случае, как «отцу» невесты, ему положено присутствовать на свадьбе.

Следующие три дня прошли для Скульптора как в тумане. Перед глазами проплывали церемонии одна за другой, жертвоприношения богам смешались в одну кровавую картину. Но народ ликовал: каждое утро люди выходили из домов, вливаясь в единый мощный поток, и стекались на главную площадь Афин. Они чествовали прекраснейшую жену архонта.

А мастер всё не находил себе места. Прошла свадьба, за которой последовали недели одна за другой. Голова раскалывалась от обилия переживаний. Его мысли стали похожи на змеиный клубок: гады, один омерзительнее другого, спутывались между собой, извивались. Ситуация усугубилась после того, как Иванику поселили в гинекее – женской части дома. Он терял последние крупницы надежды на то, чтобы вновь увидеть её.

За несколько месяцев в разлуке он сильно похудел. Лицо осунулось, глаза впали от худобы. Кожа побледнела. Плечи ссутулились, а тело его ослабло. И неудивительно: кусок каждый раз вставал поперёк горла, когда Скульптор вспоминал об Иванике и её супруге. Он потерял всяческое желание к творчеству. Его образ жизни окончательно стал аскетичным.

Однажды на пороге появился гонец от архонта. Новоиспечённый зять желал видеть мастера завтра утром у себя дома. Скульптор оживился. Эта встреча – шанс увидеть своё творение и убедиться, что с ней всё хорошо.

Утреннее солнце совершенно бестактно ослепило Скульптора, который уже давно не выходил из дома. Глаза неохотно привыкали к яркости городских красок.

Архонт принял тестя во внутреннем дворе. Воздух был раскалён жарким и беспощадным солнцем – наступил Гекатомбион, ознаменовавший середину лета. Римлянин сидел на троне под небольшим навесом. Скульптора же оставили стоять под палящими лучами солнца.

Вскоре один из множества рабов архонта привёл под навес Иванику. Правитель не оборачиваясь показал на супругу:

– Я никогда не встречал женщины красивее и умнее, чем Иваника. Но знаешь что, папаша? Она совершенно не приспособлена к ласке. До неё ж не дотронешься – ей всё время больно.

Ожившая скульптура опустила взгляд в пол. Плечи опустились – было видно, что она чувствует себя виноватой в своей слабости.

– Я и создавал её такой. С ней нельзя обращаться грубо, архонт. И ты это прекрасно понимаешь.

– Это ужасная задумка. Женщина, но не женщина. Как ты после такого смеешь называть себя Великим Скульптором, презренный раб? Если ты даже на простые вещи не способен!

– Ты не понимаешь...

Римлянин перебил:

– Я не понимаю?! Как я, великий правитель Эллады, могу что-либо не понять? Меня избрал народ как лучшего, кто может ими управлять. Как того, кто лучше всех их поймёт. Моё имя войдёт в историю!

– Ты жестокий человек. И пусть ты велик сейчас, пока ты у престола. Но как только ты его покинешь, о тебе забудут. Твоё имя похоронят вместе с тобой.

– А тебя похоронят даже без имени, – архонт громко рассмеялся.

– С именем или без него – меня запомнят по моим творениям. Люди умирают и гниют в земле, пока искусство продолжает жить.

Правитель был в ярости. Жуткая гримаса исказила правильные черты его лица:

– Да как ты смеешь такое говорить?! Стража, выведите девушку на солнце! – крикнул он своим верным слугам. – Сейчас мы будем показывать этому рабу, как будет жить в веках его жалкая поделка.

– Только посмей, – мастер метнулся к девушке.

Архонт одним взмахом руки скомандовал стражникам сдерживать его.

Ему заломили руки. Его сердце замерло, когда Иванику толкнули на солнце. Бежать ей было некуда – как из-под земли, во дворе появились люди с копьями. Следом за ними вышли люди с зеркалами. Они ловили солнечные лучи и направляли их на скульптуру.

Воск начал стремительно таять. Стала терять былые очертания точёная фигура. Скульптор пытался вырваться, чтобы спасти её, но за эти месяцы он совсем лишился сил. Его держали слишком крепко: кости ломило от боли.

Раздался душераздирающий крик – это кричала в агонии Иваника. Звонкий и чистый голос было слышно далеко за пределами дома архонта. Хозяин дома с наслаждением смотрел на мучения собственной жены. На его лице растянулась довольная улыбка. От этого крика у мастера занялась жгучая боль в груди, он уже не мог ровно дышать.

Горячая роса слёз потекла по восковым щекам, оставляя за собой протаявшие дорожки. Таяла голова – золотые нити волос стали выпадать. Сапфиры глаз искали Скульптора, но от жутчайшей боли Иваника не сразу заметила своего создателя. Лицо становилось всё мягче, и когда она нашла его взглядом, то рот уже успело скосить вправо:

– Спаси меня, прошу! Ты ведь меня создал! – проревела она. – Умоляю, найди в себе силы! – девушка громко заплакала, упав на колени. Ноги её уже не держали.

Сильнейшая боль в груди мастера стала тянуться по шее и левой руке. Подступила тошнота. Сопротивление стражникам казалось ему уже практически невозможным. Иваника безотрывно смотрела на слабеющего творца и теряла надежду. Скульптор в один момент понял, что сейчас сдастся и она.

Воск стекал на землю, уже прорисовались очертания рёбер.

– Каллимах!

Глаза Скульптора округлились от страха. Не сумев совладать с болью, Иваника нарушила его договор с богами.

Это конец. Каллимах почувствовал, как руки его слабеют,

как слабеет и его ум. Голова опустошалась – из неё выветривались знания. Без дара богов жизнь Каллимаха теряла всяческий смысл. И сейчас у него на глазах погибала лучшая из скульптур, созданных человечеством.

– Каллимах! – снова позвала его девушка. Голос её звучал теперь глухо – рот был полон растаявшего воска, который бежал по щекам и шее.

Показались стальные прутья рёбер, за которыми стучало золотое сердце. Сердце Каллимаха уже не выдерживало той боли, которая обвалилась на него в одночасье.

– Радуйся, раб, мы похороним тебя с именем! – едко пошутил архонт. Он по-прежнему сидел на своём троне. – Правда, жаль, что «прекрасный борец», коим тебя называли родители, оказался последним трусом.

– Мы будем жить в лучшем мире, – его губы тронула улыбка, – правда, Иваника?

– Правда, – еле слышно отозвалась она. Она теперь напоминала восковую глыбу, которая совсем скоро станет лужей. Она закрыла мокрые от слёз глаза, которые уже мало напоминали глаза человеческие. Её недолгая жизнь на этом завершилась.

– Спасибо за ваш дар, боги, – прошептал Каллимах.

Его сердце в последний раз пропустило удар, после чего навсегда остановилось. Тело обмякло на руках стражников.

* * *

На следующий день весь город знал о трагической смерти Великого Скульптора. Говорили, что его дочь, не выдержав горя, бросилась в море. Афины оплакивали большую потерю. Среди горожан были и другие скульптуры, которые скорбели по своему создателю.

Каллимах и Иваника стояли на вершине Олимпа.

– Боги сделали для нас ещё один подарок. Они забрали нас к себе, – с горечью сказал мастер.

– Потому что люди слишком жестоки?

– Да, но в них не должно умереть стремление ко всему светлому и прекрасному. Именно поэтому мы и будем помогать молодым творцам в их начинаниях.

– Ты будешь для них учителем, а кем для творцов буду я, Великий Скульптор?

– А ты будешь дарить им вдохновение, Иваника.

Взошло великолепное яркое солнце. Оно озарило Афины для Скульптора и его творения. Новый день подарил жителям Эллады новую надежду.

Мария МЕРК

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

Утро среды выдалось немного суматошным. Я проспала второй будильник и потому одевалась в спешке. Ещё и Жужа решила, что мой носок – идеальная игрушка, созданная специально для собачек. После непродолжительного забега по квартире за Жужей мне с боем наконец удалось спасти носок из пасти этого «чудовища» йоркширских кровей.

Выйдя из дома и закрыв дверь, я кинула ключи в сумочку. Взгляд наткнулся на выглядывающего из бокового внутреннего кармашка леденцового петушка на палочке, которого мне пару дней назад вручили в качестве комплимента. В очередной раз пожалев, что не люблю сладкое, я клятвенно пообещала себе поделиться с кем-нибудь этим сокровищем из жжёного сахара. Пообещала и забыла.

Полдень наступил внезапно. Никогда не понимала эту магию рабочего дня: до обеда время летит, а после – вальяжно тянется. Так как утром я спешила, то еды у меня с собой не было. Подхватив сумку, вышла на улицу и с удовольствием вдохнула полной грудью. После душного офиса майский городской воздух с его

лёгкими нотками яблоневого запаха казался чем-то волшебнободрящим. Урчание в животе недвусмысленно намекнуло, что свежий воздух – это, конечно же, прекрасно, но напиться чем-нибудь существенным тоже бы не помешало.

Как хорошо, что я встретила на обеде Ирку! И как хорошо, что мы заговорили про тот случай на Иртыше! Ассоциативная память сработала весьма странно, но зато помогла вспомнить, что пора зайти в магазин за нужной хозяйственной дребеденью.

Я оплатила покупку и уже практически развернулась, чтобы уйти, когда на меня нахлынуло нечто. По наитию я достала из сумки петушка на палочке, со словами: «Это вам!» вручила его молоденькой продавщице и вышла. Удивительно, но ощущение правильности и необходимости такого поступка не покидало меня. Я возвращалась на работу и улыбалась.

* * *

Управляющая хозмага Нина Витальевна решительно шла в подсобку. Ей было жаль новенькую продавщицу Оксану, у которой две недели назад умерла мама, но девушка вот уже двадцать минут не выходила из комнатёнки, где персонал магазина переодевался и обедал. Деревянная дверь скрипнула – Нина Витальевна шагнула в подсобку и замерла. В углу комнатки на коробке сидела Оксана. Она молча плакала, держа во рту леденец на палочке.

– Оксана, всё хорошо? – мягко спросила управляющая, мгновенно забыв о недавнем желании вклеить выговор девушке.

– В детстве, когда я сильно грустила, мама всегда покупала мне вот такие петушки... – голос Оксаны дрожал от слёз. – А сегодня... Сегодня мне его подарила какая-то девушка. Понимаете? Как будто мама утешает меня даже... Даже после того как... – Оксана закрыла рот рукой, продолжая держать леденец в другой, и зарыдала.

– Так. Понятно. Как перестанешь реветь, иди домой. Даю тебе неделю отгулов, – Нина Витальевна развернулась и вышла из подсобки, не видя, как Оксана согласно закивала головой.

ИДАЛЬГО ДОН КИХОТ МАЛЬШАКОВСКИЙ

– Эй, Мишка, чего приуныл? Телефон разрядился, говоришь? Не беда. Свет дадут через часа четыре, тогда и зарядишь. Скучно? Так поиграй. Как это – не умеешь ни во что играть?

– Дед, ты чего к внуку пристал?

– погоди, бабка, тут дело сурьёзное – внук без своего телефона ни во что играть не умеет.

Шестилетний Мишка, «сосланный» на лето в деревню Мальшаковка, сидел вместе с дедом на широкой деревянной лавочке за оградой и жаловался на жизнь. Бабка, радуясь втайне тому, что внук под каким-никаким, а приглядом, боролась в палисаднике с молодой порослью уже поспевшей красной черёмухи и то и дело послушивала разговоры своих мужчин.

– Вот я, помню, в детстве любил играть в Дон Кихота, Айседорой была бабка твоя.

– Дульсинеей!

– Да какая ему разница! Ты бы лучше не нас подслушивала, а тщательнее своих черёмуховых «солдат» выдёргивала. Наросло – к дереву не подступишься.

Бабка фыркнула, развернулась спиной к деду и вновь взялась за корчёвку. Она действительно ощущала себя боевым генералом, который кинул войска в решающий бой, сулящий триумфальную победу, поэтому сравнение поросли с солдатами бабке очень понравилось. Именно из-за этого она и не закатила скандал.

– Да, рассказываю я, Мишка, рассказываю. Нам нужен велосипед и зонтик. Бабка!

– Чего?

– Говори, куда зонтик спрятала, нам для игры надо.

– В сарайке висит. Так он ведь сломан.

– А это неважно. Мишка, слышал? Бегом в сарайку за зонтиком.

Дед, кряхтя, поднялся вслед за внуком и прикрыл рукой глаза от яркого полуденного солнца, которое слепило, как внезапно

включённая в тёмной комнате лампа. Затем он неторопливо прошёл в тщательно выметенный двор мимо аккуратной клумбы бархатцев цвета спелой морковки и подошёл к старому, ещё советскому велосипеду, выкрашенному в тёмно-зелёный цвет. Дед неспешно вывел его со двора и остановился рядом с лавочкой.

– Мишка, смотри. Я теперь не твой дед, а Дон Кихот. Вот мой конь. Дай мне зонтик! А это не зонтик, а сверхмощное всепобеждающее копьё. Я ведь Дон Кихот, и мне надо бороться со злом и всем помогать. Но прежде я тебе покажу, как правильно ездят все донкихоты.

Дед сел на велосипед, вытянул перед собой зонтик, на спицах которого висели остатки белой ткани, и поехал по укатанной грунтовой дороге. Бабка выпрямилась, уперев руку в заболевшую поясницу, и, увидев деда, который ездил мимо дома туда-сюда с зонтиком наперевес, улыбнулась. Ей вспомнилось первое свидание, на котором дед подарил ей рыжие бархатцы, удушливо пахнущие пылью. А внук стоял, смотрел и жалел, что телефон полностью разрядился и теперь не снять видео, которое наверняка бы набрало тысячи просмотров в соцсетях.

Дед же ездил по дороге и вновь чувствовал себя восьмилетним деревенским мальчишкой, который отправился навстречу приключениям, чтобы завоевать сердце прекрасной Дульсины.

